

Бушуева Л. А. Фрейм поступка «измена в любви» и его эвфемистические репрезентации в русской и английской лингвокультурах / Л. А. Бушуева // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 45—59. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-45-59.

Bushueva, L. A. (2021). Frame of Act of “Infidelity in Love” and Its Euphemistic Representations in Russian and English Linguocultures. *Nauchnyi dialog*, 7: 45-59. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-45-59. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-45-59

**Фрейм поступка
«измена в любви»
и его эвфемистические
репрезентации
в русской и английской
лингвокультурах**

Бушуева Людмила Александровна
orcid.org/0000-0001-9077-252X
доктор филологических наук, доцент
кафедра зарубежной лингвистики
sebeleva@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

**Frame of Act
of “Infidelity in Love”
and Its Euphemistic
Representations in Russian
and English Linguocultures**

Lyudmila A. Bushueva
orcid.org/0000-0001-9077-252X
Doctor of Philology, Associate Professor
Department of Foreign Linguistics
sebeleva@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Бушуева Л. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются эвфемизмы, выступающие средствами языковой репрезентации поступка «измена в любовных отношениях» в русском и английском языках. Новизна исследования видится в том, что ситуация поступка «измена в любви» представлена в виде фреймовой модели, в структуре которой выделяются слоты, актуализирующие различные аспекты рассматриваемой ситуации. Показано, что в русской лингвокультуре объективированы слоты «Агент поступка и его свойства», «Контрагент поступка», «Пациент поступка», «Действие как проявление поступка», «Оценка поступка, агента поступка», «Место совершения поступка». Выявлено, что в английской лингвокультуре, помимо указанных слотов, актуализируется также слот «Мотив поступка». Сопоставление семантики эвфемистических единиц двух языков показало, что в основе эвфемизации поступка «измена в любви» лежат сходные приемы: механизм языкового обобщения, замена прямой номинации иноязычной лексемой, прономинализация, мейозис, метонимический / метафорический перенос. Показано, что актуализация измены осуществляется на основе сходных метафорических концептов ДВИЖЕНИЕ, ОТНОШЕНИЯ, РАЗВЛЕЧЕНИЕ / ОТДЫХ, ЗАГРЯЗНЕНИЕ, которые выявлены как в русском, так и в английском языках, а метафорический концепт СПОРТ обнаруживается только в английском языке.

Ключевые слова:

поступок; измена; фрейм; эвфемизм; стигма; языковое обобщение; метафора; метонимия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Euphemisms that act as means of linguistic representation of the act of “infidelity in love relationships” in the Russian and the English are examined in the article. The novelty of the research is seen in the fact that the situation of the act of “infidelity in love” is presented in the form of a frame model, in the structure of which slots are allocated that actualize various aspects of the situation under consideration. It is shown that in Russian linguoculture the slots “Agent of an act and its properties”, “Counterparty of an act”, “Patient of an act”, “Action as a manifestation of an act”, “Evaluation of an act, an agent of an act”, “Place of the act” are objectified. It was revealed that in the English linguistic culture, in addition to the indicated slots, the “Motive of Action” slot is also updated. Comparison of the semantics of the euphemistic units of the two languages showed that the euphemization of the act of “infidelity in love” is based on similar techniques: the mechanism of linguistic generalization, replacement of direct nomination with a foreign lexeme, pronominalization, meiosis, metonymic / metaphoric transfer. It is shown that the actualization of infidelity is carried out on the basis of similar metaphorical concepts MOVEMENT, RELATIONSHIP, ENTERTAINMENT / RECREATION, POLLUTION, which are identified both in Russian and in English, and the metaphorical concept of SPORT is found only in English.

Key words:

deed; infidelity; frame; euphemism; stigma; linguistic generalization; metaphor; metonymy.

УДК 811.161.1'37+811.111'37

Фрейм поступка «измена в любви» и его эвфемистические репрезентации в русской и английской лингвокультурах

© Бушуева Л. А., 2021

1. Введение

Знание о «поступке» имеет несомненную значимость в мирознании представителей разных лингвокультур: поступок соединяет человека с внешним миром, воплощает мотивы и потребности человека. Поступок в нашем понимании — это разумное действие человека, вызывающее реакцию со стороны окружающих и получающее их оценку.

Выделяются поступки, являющиеся воплощением социально неприемлемого поведения и вызывающие этическое и правовое осуждение. К таким поступкам относится любовная измена. Лексика, обозначающая поступок «измена в любви», исследовалась ранее. Например, Я. В. Малькова изучает особенности языковой репрезентации соперничества в любви на материале диалектной лексики [Малькова, 2019]; В. С. Кучко изучает лексику со значением измены в любви на материале русских народных говоров [Кучко, 2017]; Е. В. Осетрова и М. В. Челушкина рассматривают «роман» и «измену» как скрипты типичных жизненных ситуаций [Осетрова и др., 2016].

Существующие в обществе ценности выступают в роли регулятора поведения людей и определяют систему стигм [Торопцева, 2019]. Стигмой называется «любая дискредитирующая черта или качество, неуместные у представителя данной группы или носителя конкретной социальной роли с точки зрения обобщенных социальных ожиданий» [Гилинский и др., 1993, с. 25]. Стигма меняет характер коммуникации, что обусловлено стремлением избежать коммуникативного дискомфорта при обращении к «опасным» темам, таким как человеческие пороки, интимные отношения, преступления и др. С этой целью в речи используются эвфемистические единицы, которые служат средством смягчения неприглядной действительности [Москвин, 2001, с. 61; Neaman et al., 1995; Matthews, 1997], позволяют избежать коммуникативных неудач и конфликтов, оградить собеседника от коммуникативного дискомфорта [Крысин, 2000].

Вслед за А. М. Кацевым, мы считаем, что эвфемизмы отражают негативную реакцию говорящего или пишущего на обозначаемое [Кацев, 1988, с. 54]. Выбирая эвфемизм вместо прямого наименования объекта, коммуникант указывает на негативное отношение к называемому явлению либо

на неуместность ситуации для его прямого наименования, при этом стигматичность самого денотата не меняется.

Любой поступок, в том числе «измена в любви», представляет собой совокупность элементов: агент, побуждаемый определенным мотивом, совершает действие, которое получает внешнюю оценку. Оценке (в частности, моральной) подлежит не действие само по себе, а только поведение человека и как его составляющие — отдельные поступки.

Ситуацию совершения поступка можно представить в виде фрейма, который представляет собой схематизированный на концептуальном уровне опыт, хранящийся в памяти человека. Фрейм — это семантическая схема мира, элементы которой описываются определенными лексическими единицами [Evans et al., 2006, p. 222]. Инвариантная фреймовая модель поступка состоит из следующих элементов: мотив, действие как проявление поступка, агент, объект (факультативный элемент), оценка, результат. Имена поступков по-разному репрезентируют данную фреймовую модель: говоря о поступках, люди не всегда разграничивают указанные выше стороны, элементы поступков [Бушуева, 2019].

2. Прямые и эвфемистические номинации измены в любви

В данном исследовании предлагается рассмотреть фрейм поступка «измена в любви» в русской и английской лингвокультурах, а также проследить, какие аспекты этой структуры получают эвфемистическую репрезентацию. Вслед за Л. В. Порохницкой, полагаем, что «на современном этапе развития теории эвфемии осуществление значительного “прорыва” возможно именно в области сопоставительного анализа семантики эвфемистических единиц» [Порохницкая, 2014, с. 52].

Источниками материала исследования послужили данные толковых словарей русского и английского языков, словарей эвфемизмов, современные контексты. Рассматривалась семантика эвфемизмов со значением ‘измена’ и языковых единиц, которые репрезентируют элементы данного поступка. Кроме того, изучалось функционирование указанных языковых фактов в речи: было проанализировано около 10 000 русско- и англоязычных контекстов, в которых используются лексемы со значением измены.

Дефиниционный анализ позволил выявить прямые номинации различных элементов ситуации измены в любви в лексических системах русского и английского языков: *измена, изменник, изменщик, изменница, изменщица, изменять, изменнический, изменнически, любовник, любовница; adulter, adulterise, adulterous, adulterer, adulteress, infidelity*. Ср.: *изменить* ‘нарушить супружескую верность или верность в любви’ [СЛРЯ, т. 1, с. 647]; *adultery* — ‘married person has sex with someone that they are not married to’

[Collins ..., 1996, p. 11] (*измена* ‘сексуальная связь супруга (-и) вне брака’ — здесь и далее перевод наш. — Л. Б.); *infidelity* ‘person who is married or in a long-term relationship has sex with another person’ [Ibid., p. 329] (*неверность* ‘сексуальная связь супруга (-и) / партнера с другим человеком’). Интересно, что в словаре английского языка в дефинициях упоминаются более формализованные составляющие процесса измены, то есть названия действий, связанных с сексом (*сексуальная связь*), форм отношений (*брак*) и их участников (*супруг, партнер*). В определении из словаря русского языка используются метафорические единицы (*супружеская верность, верность в любви*), то есть русское определение само эвфемизировано.

С помощью метода сплошной выборки из словарей эвфемизмов [Сеничкина, 2008; Аyto, 2007; Holder, 2002; Rawson, 2002] были отобраны эвфемизмы, называющие измену.

Анализ контекстов, извлеченных из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], British National Corpus [BNC], Corpus of Contemporary American English [COCA], социальной сети Twitter [Twitter], позволил дополнить группу эвфемизмов, репрезентирующих измену.

Методом фреймового моделирования структурированы представления о ситуации измены в виде слотов — элементов ситуации. Выбор метода исследования обусловлен тем, что фрейм позволяет определить, какие именно элементы занимают центральное место в его структуре, а также показать, чем отличаются друг от друга единицы внутри одного концептуального класса [Макаров, 2003].

3. Эвфемистические единицы как средства языковой репрезентации фрейма «измена в любви»

В качестве эвфемистических номинаций поступка «измена» используются следующие лексемы: в русском языке — *адультер, неверность, прелюбодеяние, интрижка на стороне, запретная любовь, обман, ложь, связь / история / роман / любовь / отношения / приключения на стороне, временное развлечение, уход / поход налево*; в английском — *act of desperation / self-preservation, activities / extracurricular activities, adventure, affair / extramarital / emotional / love / physical affair, amour, consensual relationship, crisis of faith, disloyalty, extramarital connection / excursion / experience, faithlessness, fling, fornication, free love, hanky-panky, inappropriate friendship, inconstancy, indiscretions, jolly, lapse, liaison, left-handed honeymoon, long-term / extramarital / inappropriate / minor relationship, mid-life crisis, misbehavior, mistake, one-night stand, open / left-handed marriage, phony act, restless period, romance, reaction to loneliness, spur of the moment passion, straying (stray + vacation), thing going, two-time*.

В русской лингвокультуре с помощью эвфемизмов объективированы 6 слотов: «Агент поступка и его свойства», «Контрагент поступка», «Пациент поступка», «Действие как проявление поступка», «Оценка поступка, агента поступка», «Место совершения поступка»; в английской лингвокультуре, кроме данных слотов, объективирован также слот «Мотив поступка».

Слот «Агент поступка и его свойства» объединяет языковые единицы, называющие активного участника ситуации, совершающего поступок, а также свойства его характера. Прямые номинации (далее — ПН): в русском языке — *изменник, изменичник, изменница, изменищица*; в английском языке — *adulterer, adulteress*; эвфемистические номинации (далее — ЭН): в русском языке — *ветреница, ветренность, ветреник, ловелас, дамский угодник, ходок, гулена, человек с низкой системой ценностей, полиамор*; в английском — *cheater, fornicator, player, two-timer, to have a roving eye, to have itchy feet*.

Слот «Действие как проявление поступка». Действие является физическим проявлением поступка. ПН: в русском языке — *изменять*; в английском языке — *to commit adultery / infidelity, to adulterise*; ЭН: в русском языке — *ветреничать, на сторону / налево ходить, похаживать на сторону, мутить на стороне, наставить рога, завести / затеять интрижку, иметь кого-то (у него / нее кто-то есть), быть с другим / другой, мотаться, гулять, гульнуть, погуливать, дружить, что-то скрывать, хлыстать по бабам, нарушить супружескую клятву, обманывать, лгать, пуститься во все тяжкие, пойти в загул, волочиться за / не пропускать ни одной юбки, завести подружку, крутить шашни, левачить, срывать розы в чужом саду, молоть зерно в чужом сарае*; в английском — *to break a commandment, to carry on with, to cheat, to chase / to chase tail, to commit misconduct, to creep around, to deceive, to do the dirty on, to do wrong, to go outside marriage, to go with, to hurt (partner), in flagrante (delicto), to fool around, to get someone on the side, to have it away, to have a bit on the side, to hike the Appalachian trail, to hurt (partner), to mess, to mess around, to misbehave, to play away / away from home / around, to play the field, to run around on someone, to sin, to sleep around, to sleep on the other side of the bed, to sleep over, to sneak around, to sneak off with another woman, to step out on, to stray, to take up with, to take up a lover, to two-time, to wander*.

Слот «Контрагент поступка» объединяет лексические единицы, называющие активного субъекта, который принимает участие в агентивной ситуации (слот выделен в соответствии с классификацией семантических ролей Е. В. Кашкина и О. Н. Ляшевской [Кашкин и др., 2013]). ПН: в русском языке — *любовник, любовница*; в английском — *mistress*; ЭН: в русском языке — *возлюбленный (-ая), друг, пассия, подруга, фаворит (-ка)*; в английском языке

ке — *admirer, amour, bit / piece on the side, co-respondent, friend, extramarital partner, fancy man / woman / bit / piece, girlfriend, gentleman / lady / more than a (good), lover, other woman / man, third person, left-handed wife.*

Слот «Пациент поступка» — участник ситуации, претерпевающий самопроизвольно или под воздействием другого участника изменения — включает в себя ЭН в русском языке — *рогоносец, рогатый, рогатая*; в английском языке — *cheatee*. В современной речи русские лексемы *рогоносец, рогатый, рогатая* могут выглядеть несколько резкими. С другой стороны, исследователи отмечают, что внешне грубая форма не нарушает основную функцию эвфемизма — маскировать неприятное содержание [Кацев, 1988, с. 55]. Данные лексемы по-прежнему рассматриваются в группе эвфемизмов [Сеничкина, 2008].

Слот «Оценка поступка, агента поступка» репрезентирует отношение к поступку, установление его соответствия нормам и принципам морали. ПН: в русском языке — *изменнический, изменнически*; в английском языке — *adulterous*; ЭН: в русском языке — *ветреный, ветреная, непостоянный, любвеобильный, рыльце в пушку*; в английском языке — *disloyal, errant, faithless, unfaithful, untrue*.

Слот «Место» подразумевает участок пространства, где локализуется ситуация поступка. ЭН: в русском языке — *на стороне, любовное гнездышко*; в английском языке — *on the side, love nest*.

Слот «Мотив поступка» получает вербализацию в английском языке посредством эвфемизма *seven-year itch*. Под мотивом понимается действие, свойство или положение вещей, объясняющее совершение поступка агентом.

Примечательно, что «Мотив поступка» не получает эвфемистической репрезентации в русском языке, при этом находит выражение в группе английских выражений. Словосочетание *seven-year itch* (букв. «зуд седьмого года») обозначает не саму измену, а только желание, возникающее у супругов на седьмом году брака, вызванное однообразием семейной жизни. Предположительно, мотив измены имплицитно выражен также в некоторых эвфемистических номинациях самого поступка: *act of desperation, act of self-preservation, reaction to loneliness, spur of the moment passion, mid-life crisis*. В данных выражениях прочитывается попытка объяснить, что именно побудило агента поступка изменить, и, следовательно, снять ответственность за неприглядный поступок.

Наибольшей заполненностью эвфемизмами в двух языках характеризуется слот «Действие как проявление поступка»: стигматично, главным образом, само действие, которое в результате оценивается как измена. Второе место по степени актуализации занимают слот «Агент поступка, оценка агента поступка» в русском языке и слот «Контрагент поступка» —

в английском языке. К ключевым элементам фрейма «измена в любви», судя по количеству выявленных эвфемистических единиц в рассматриваемых языках, также можно отнести слоты «Агент поступка, его свойства», «Контрагент поступка» и «Оценка поступка, агента поступка».

4. Ключевые приемы в основе эвфемизации измены

Проведенное исследование позволило выявить когнитивные и языковые механизмы, на основании которых осуществляется продуцирование эвфемизмов, репрезентирующих измену в русском и английском языках.

Механизм языкового обобщения — переименование измены с помощью единиц более общей или более диффузной семантики. Широким значением обладают такие русские единицы, как *обман / обманывать, ложь / лгать, быть с кем-то / другим, скрывать что-то*; английские — *activities, thing going, affair, physical / emotional affair, phony act, hanky-panky, misbehavior, mistake, to cheat, to deceive, to do wrong, to commit misconduct, to fool around*.

Данные лексемы, благодаря большему по сравнению с прямыми номинациями семантическому потенциалу, выражают поступок измены в любви ситуативно, в определенных контекстах.

Английские лексемы *thing, activities, affair* характеризуются наличием «потенциальной семантической структуры» (определение Е. Г. Беляевской [Беляевская, 2007, с. 6]) и могут соотноситься практически с любым стигматичным денотатом. Ср.: *Over the course of this weekend, Jon's activities have left me no choice but to file legal procedures in order to protect myself and our children* (M. Peters, Hiking the Euphemistic Trail) / **Деятельность** Джона в течение всего уикенда не оставляет мне никакого выбора, как только обратиться в суд с целью защитить себя и своих детей; *Me and Mrs. Jones we got a thing going on. And ... it's ... adultery* (Twitter, 2016) / **Между нами с Миссис Джонс что-то есть. И это ... измена.** Лексема **thing** занимает шестое место в списке наиболее частотных английских существительных, что объясняется ее референтной и концептуальной диффузностью [Ириханова, 2014, с. 105]. Благодаря диффузности, выражения с существительным *thing* способны выводить в фокус внимания различного рода намеки, что и находит свое применение в эвфемизации измены.

Несмотря на наличие оценочной коннотации у единиц *обман, ложь; phony act, hanky-panky, misbehavior, mistake, to cheat, to deceive, to do wrong, to commit misconduct* (все единицы выводят на первый план отклонение от допустимых в обществе поступков), данным словам удается дефокусировать то, в чем конкретно заключается это отклонение. Ср.: *15 признаков того, что муж вас обманывает. Вот распространенные признаки того, что от вас что-то скрывают* (Е. Сарычева, Домашний очаг); *I know in my*

*heart that if he didn't push me away I never would have **cheated*** (R. Reynolds, Six types of affairs: fallen in love) / *В глубине души я знаю, что, если бы он не оттолкнул меня, я бы никогда не стала **обманывать** его.*

Выделяется большая группа русских и английских эвфемизмов, в основе образования которых лежит мейозис — замена словом, выражающим «неполноту действия или слабую степень свойства» [Крысин, 2000]: *неверность, faithlessness, disloyalty, unfaithful* и др. Эвфемизмы, основанные на отрицании противоположного, выражают «сдержанное порицание» для отрицательно оцениваемых свойств [Апресян, 1995, с. 312]. Ср.: *Даже если ты ему изменяешь, то это вовсе не предательство или измена, а только **неверность, шалость, момент, счастливая секунда*** (М. Гиголашвили, Экобаба и дикарь, 1998—2007) — лексема *неверность* смягчает эффект высказывания, частично снимает ответственность за поступок. Ср.: *Oh, I have an update on her rumoured **indiscretion**. It's with a foreigner, because she feels that doesn't count*» (The Durrells movie, Season 4) / *Ходят слухи о ее **неблагоразумном поступке**. Она уверена, что с иностранцем это не считается.*

Единицы *прелюбодейание, fornication* приобретают эвфемистическую функцию благодаря своей принадлежности к книжной лексике в отличие от слов с нейтральной или разговорной окраской. Ср.: *На вопрос Лили, верит ли он в Бога, он раздраженно говорит: «Я в факты верю, я юрист, Лилия», после чего популярно объясняет ей, что если об их **связи** никто не узнает, то и **прелюбодейания** нет»* (В. Краснова, Царь гордецов, 2015); *According to him, the board has recorded four rape cases, 149 **fornication**, <...> within the period under review»* (News Agency of Nigeria, Hisbah reconciles 3079 couples in 2020) / *По его словам, коллегия зафиксировала четыре случая изнасилования, 149 случаев **прелюбодейания**, <...> за отчетный период.*

Своеобразным «очарованием» обладают также иноязычные заимствования, например, *адюльтер, in flagrante delicto* (букв. ‘в пылающем преступлении’): «иноязычные слова меньше шокируют и кажутся более благородными» [Видлак, 1967, с. 278]. Ср.: *А вот он подозревает лучшего друга Диму, после его **адюльтера** с Лилей, в присвоении денег* (В. Краснова, Царь гордецов, 2015); *The wife is a good actress, not showing that she's suspecting. I can see through one of my visions that they will be caught in **flagrante delicto*** (Mai Te, Twitter, 2018) / *Жена и виду не подает, что подозревает, но что-то мне подсказывает, что их застукают **на месте преступления**.*

Эвфемизация номинаций измены в любви создается на основе нарочито двусмысленной речи. Одной из ведущих стратегий является метонимическая репрезентация измены как *о т н о ш е н и й* вообще, с помощью которой эксплицируется идея «легальности» поступка: *отношения, связь; consensual / inappropriate / long-term relationship, liaison, extramarital connection.*

Представление об измене как об отношениях может конкретизироваться как представление о 1) романтических отношениях: *роман, запретная любовь, любовь на стороне, возлюбленный; amour, free love, romance, admirer*; 2) дружеских отношениях: *дружить, завести подружку / друга; friend, girlfriend, inappropriate friendship, more than a (good) friend* — с помощью данных единиц профилируется идея непредосудительности такого общения между людьми. Ср.: *Вышла ему навстречу и его неверная жена Клитемнестра, <...> только и ждавшая момента, чтобы убить мужа и царствовать вместе со своим возлюбленным Эгистом ...* (И. Архипова, Музыка жизни, 1996); *Год назад мой муж завел себе подружку, <...>, прямо на рабочем месте. Постепенно все узналось* (Анонимист Шахунский, Твиттер, 2014); *this story reeks of toxic behavior masked as free-love. "People don't belong to each other" is not an excuse for cheating and abandoning your family* (El, Twitter, 2019) / *вся эта история попахивает токсичными отношениями, замаскированными под свободную любовь. То, что люди не принадлежат друг другу, не является оправданием обмана членов своей семьи.*

Метафорический перенос — еще один прием, позволяющий создать завуалированное высказывание. Говорящий сдвигает фокус настолько, насколько ему представляется необходимым для решения прагматической задачи. Эвфемизмы, репрезентирующие измену, имеют в основе своей семантики действие разных метафорических концептов (далее — МК), наиболее продуктивными из которых являются МК РАЗВЛЕЧЕНИЕ / ОТДЫХ, ДВИЖЕНИЕ, ЗАГРЯЗНЕНИЕ — в русской и английской лингвокультурах, СПОРТ — в английской лингвокультуре.

МК РАЗВЛЕЧЕНИЕ / ОТДЫХ актуализирует представление об измене как о приятном времяпрепровождении, захватывающем опыте: *временное развлечение, приключения на стороне; adventure, extramarital excursion, jolly, straycation (straying + vacation)*. Ср.: — *Вы о любовнице? Возможно, Леня имел какие-то приключения на стороне, но я не в курсе этого* (А. Троицкий, Удар из прошлого, 2000); *50 % of all long-term relationships are subject to adultery. <...> Men enjoy boasting with their adventures while females keep their mouth shut»* (F. Heyne, Will a fling kill your relationship?) / *В 50 % пар, находящихся в длительных отношениях, случаются измены. Мужчины любят хвастаться своими приключениями, женщины предпочитают не распространяться.*

Положительные ассоциации вызывает английское *left-handed honeymoon*: *honeymoon* в первую очередь связано с представлением о каникулах / приятной поездке с любимым человеком, при этом слово *left-handed* вносит дополнительные негативные коннотации: *Here's the bloke David, who had a left-handed honeymoon with a stunner called Bathsheba»* (Stephen

Guthrie, Twitter, 2018) / *Это Дэвид, у которого был медовый месяц на стороне с красоткой по имени Вирсавия.*

Эвфемизмы, имеющие в основе своей семантики МК ДВИЖЕНИЕ, фокусируют внимание на разных его аспектах: *ходить на сторону / налево, гулять / гульнуть / погуливать / пойти / уйти в загул, ходок, гулена* — сема ‘нарушать верность’ вытесняется, при этом сема ‘временно отсутствовать’ выдвигается в интенционал; *мотаться* — в фокусе внимания сема ‘скитаться, слоняться без дела’, при этом суть поступка максимально затемнена; *to chase* — в фокусе внимания *to chase* находится потенциальный контрагент поступка, на который нацелены действия агента поступка; *to chase tail* — потенциальный контрагент поступка обозначается через единицу *tail* — маркирует склонность мужчины к ветреному поведению и в некоторых контекстах может актуализировать значение измены; *to go with* — за счет способности глагола *to go* наполняться разным содержанием в зависимости от ситуации максимально «затемнена» идея противозаконности измены; *to go outside marriage* — *to go* в сочетании с предлогом *out* создает образ, имплицитный идею выхода откуда-либо: брак символизируется как здание; *to stray, to wander* — глаголы обозначают измену благодаря семе ‘отдалиться от места, где ты должен находиться’, то есть от дома; *errant (husband / wife / partner)* — *errant* профилирует идею заблудшего, сбившегося с пути человека; *to have a roving eye, to have itchy feet* — в основе семантики данных выражений лежит идея мобильности, неспособности оставаться на одном месте; *to creep around, to sneak around, to sneak off with another woman* — метафорический перенос в данных единицах осуществляется на основе акцентирования признака «действовать секретно».

МК ЗАГРЯЗНЕНИЕ воплощает идею порочности поступка, ретушируя его суть: *мутить на стороне; to mess around*. Ср.: *Я не понимаю людей, которые любят человека, а на стороне начинают еще с кем-то мутить, пока тот в отъезде* (Душевный, Твиттер, 2012); *Should a married woman confront the woman she heard was **messing around** with her husband?* (Quora forum) / *Стоит ли жене сводить счеты с женщиной, которая **путается с ее мужем?***

МК СПОРТ репрезентирует идею заполнения досуга: *to play away / around / away from home, player, to play the field, to hike the Appalachian trail*. Ср.: *Henry VIII beheaded one of his wives for **cheating on him**. Men could **play around** because it didn't undermine their authority but there was nothing resembling **free love** because women could not **play around*** (Fritz Zennist, Twitter, 2016); *Tudge broke a commandment shalt not commit adultery. Also criminal behavior. Pastor Morrison said its ok **to have a wandering eye and play away from home*** (Robert, Twitter, 2016) / *Генри VIII обезглавил одну из своих*

жен за то, что она **обманывала** его. Мужчинам позволялось **заводить интрижки**, поскольку это не подрывало их авторитет, однако никакой **свободной любви** не существовало, так как женщины не могли позволить себе никаких **шалостей**). Эвфемистический потенциал данные выражения приобретают за счет актуализации идеи непредвзятости номинируемого поступка.

5. Заключение

Как показало проведенное исследование, выделяется группа русских и английских эвфемистических единиц, репрезентирующих разные аспекты поступка «измена в любви». В русской лингвокультуре актуализированы 6 слотов: «Агент поступка и его свойства», «Контрагент поступка», «Пациент поступка», «Действие как проявление поступка», «Оценка поступка, агента поступка», «Место совершения поступка»; в английской — помимо указанных слотов, также «Мотив поступка».

Слот «Действие как проявление поступка» является наиболее заполненным эвфемизмами и в русском, и в английском языках. В русском языке по количеству эвфемистических единиц также выделяется слот «Агент поступка, оценка агента поступка», в английском — слот «Контрагент поступка». Данные элементы ситуации в первую очередь подлежат «маскировке», что вызвано, во-первых, желанием скрыть неприятную сторону измены, во-вторых, стремлением смягчить эффект высказывания, в-третьих, представить себя или третье лицо в более выгодном свете.

В основе эвфемизации выражения *измена в любви* в двух языках лежат сходные приемы, наиболее продуктивными из которых являются метонимический и метафорический перенос. Для актуализации значения измены действует одна и та же система концептуально-метонимической и концептуально-метафорической репрезентации. Различия касаются реализации некоторых метафорических концептов, например, в русской лингвокультуре не объективирован МК СПОРТ. Наиболее активным концептом в двух языках в рассматриваемой семантической области следует признать МК ДВИЖЕНИЕ; менее активным — МК ЗАГРЯЗНЕНИЕ, что объясняется ключевой задачей эвфемизации, заключающейся в стремлении завуалировать в речевой практике отрицательные явления, к которым, вне всякого сомнения, относится измена.

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 14.12.2020).

2. *Сеничкина Е. П.* Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. — Москва : Флинта, 2008. — 464 с. — ISBN 978-5-9765-0219-2.

3. *Словарь русского языка* : в 4-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1985. — Т. 1. — 696 с. — Т. 2. — 736 с.
4. *Ayto J. Wobbly bits and other euphemisms* / J. Ayto. — London : A&C Black, 2007. — 352 p. — ISBN 0713678402.
5. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed 19.12.2020).
6. *Collins plain English dictionary*. — London : HarperCollinsPublishers, 1996. — 758 p. — ISBN 0003750566.
7. *Holder R. W. How not to say what you mean. A dictionary of euphemisms* / R. W. Holder. — Oxford : Oxford university press, 2002. — 412 p. — ISBN 0-19-860762-8.
8. *Rawson H. Rawson's dictionary of euphemisms and other doubletalk* / H. Rawson (ed.). — New Jersey : Castle Books, 2002. — 463 p.
9. *Twitter* [Electronic resource]. — Access mode : <https://twitter.com/> (accessed 23.01.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляевская Е. Г. Культурологическая информация в семантике лексических единиц* / Е. Г. Беляевская // *Вопросы когнитивной лингвистики*. — 2007. — № 4. — С. 44—50.
2. *Бушуева Л. А. Категории поступков и их лингвокогнитивное моделирование : монография* / Л. А. Бушуева. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. — 306 с. — ISBN 978-5-91326-535-7.
3. *Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля* / С. Видлак // *Этимология*. — Москва : Наука, 1967. — С. 267—285.
4. *Гилинский Я. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения* / Я. Гилинский, В. С. Афанасьев. — Санкт-Петербург : Питер, 1993. — 167 с.
5. *Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования* / О. К. Ирисханова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 320 с. — ISBN 978-5-9551-0678-6.
6. *Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия* / А. М. Кацев. — Ленинград : Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, 1988. — 79 с.
7. *Кашкин Е. В. Семантические роли и сеть конструкций в системе FrameBank* / Е. В. Кашкин, О. Н. Ляшевская // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. — 2013. — № 12 (19). — С. 325—343.
8. *Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной речи* / Л. П. Крысин // *Русский язык конца XX столетия (1985—1995)*. — Москва : ЯРК, 2000. — С. 384—408.
9. *Кучко В. С. Русская диалектная лексика со значением измены в любви : семантико-мотивационный аспект* / В. С. Кучко // *Славянский альманах*. — 2017. — № 3—4. — С. 479—498.
10. *Макаров М. Л. Основы теории дискурса* / М. Л. Макаров. — Москва : Гнозис, 2003. — 280 с. — ISBN 5-94244-005-0: 2500.
11. *Малькова Я. В. Соперничество любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера)* / Я. В. Малькова // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. — 2019. — Т. 11. — Выпуск 3. — С. 47—56. — DOI: 10.17072/2073-6681-2019-3-47-56.

12. Москвин В. П. Эвфемизмы : системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. — 2001. — № 3. — С. 58—70.

13. Осетрова Е. В. «Роман» и «конфликт» как типы медийных скриптов : интенсификация оценки (на материале журнала «Караван историй») / Е. В. Осетрова, М. В. Челушкина // Экология языка и коммуникативная практика. — 2016. — № 2. — С. 293—301.

14. Порохницкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского, итальянского языков) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Л. В. Порохницкая, 2014. — 413 с.

15. Торопцева Е. Н. Эвфемистические наименования в аспектах языка, истории, культуры : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. Н. Торопцева, 2003. — 193 с.

16. Evans V. Cognitive linguistics. An Introduction / V. Evans, M. Green. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. — 816 p. — ISBN 9780748618316.

17. Matthews P. H. Euphemism / P. H. Matthews // The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. — Oxford : Oxford University Press, 1997. — 464 p. — ISBN 978-0-19-920272-0.

18. Neaman J. C. The Wordsworth Book of Euphemisms : The Hilarious Guide to the Unmentionable / J. C. Neaman, C. G. Silver. — London : Cumberland House, 1995. — 420 p. — ISBN 1-85326-339-7.

MATERIAL RESOURCES

Ayto, J. (2007). *Wobbly bits and other euphemisms*. London: A&C Black. 352 p. ISBN 0713678402.

BNC — *British National Corpus*. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed 19.12.2020).

Collins plain English dictionary. (1996). London: HarperCollinsPublishers. 758 p. ISBN 0003750566.

Evgenieva, A. P. (ed.). (1985). *Dictionary of the Russian language: in 4 v., 2*. Moscow: Russian Language. 696 p. (In Russ).

Evgenieva, A. P. (ed.). (1985). *Dictionary of the Russian language: in 4 v., 4*. Moscow: Russian Language. 736 p. (In Russ).

Holder, R. W. (2002). *How not to say what you mean. A dictionary of euphemisms*. Oxford: Oxford university press. 412 p. ISBN 0-19-860762-8.

NKRYA — *The National corpus of the Russian language*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 14.12.2020). (In Russ).

Rawson, H. (2002). *Rawson's dictionary of euphemisms and other doubletalk*. New Jersey: Castle Books. 463 p.

Senichkina, E. P. (2008). *Dictionary of euphemisms of the Russian language*. Moscow: Flint. 464 p. ISBN 978-5-9765-0219-2. (In Russ).

Twitter. Available at: <https://twitter.com/> (accessed 23/01/2021).

REFERENCES

Belyaevskaya, E. G. (2007). Cultural information in the semantics of lexical units. *Questions of cognitive linguistics*, 4: 44—50. (In Russ).

Bushueva, L. A. (2019). *Categories of actions and their linguocognitive modeling: monograph*. Nizhny Novgorod: Publishing House of N. I. Lobachevsky National State University. 306 p. ISBN 978-5-91326-535-7. (In Russ).

- Evans, V., Green, M. (2006). *Cognitive linguistics. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 816 p. ISBN 9780748618316.
- Gilinsky, Ya., Afanasyev, V. S. (1993). *The sociology of deviant (deviant) behavior*. St. Petersburg: Peter. 167 p. (In Russ).
- Iriskhanova, O. K. (2014). *Focus games in the language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 320 p. ISBN 978-5-9551-0678-6. (In Russ).
- Kashkin, E. V., Lyashevskaya, O. N. (2013). Semantic roles and a network of constructions in the FrameBank system. *Computational linguistics and intellectual technologies*, 12 (19): 325—343. (In Russ).
- Katsev, A. M. (1988). *Linguistic taboo and Euphemia*. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. 79 p. (In Russ).
- Krysin, L. P. (2000). Euphemisms in modern speech. In: *Russian language of the end of the XX century (1985—1995)*. Moscow: YARK. 384—408. (In Russ).
- Kuchko, V. S. (2017). Russian dialect vocabulary with the meaning of infidelity in love: semantic and motivational aspect. *Slavic Almanac*, 3—4: 479—498. (In Russ).
- Makarov, M. L. (2003). *Fundamentals of the theory of discourse*. Moscow: Gnosis. 280 p. ISBN 5-94244-005-0: 2500. (In Russ).
- Malkova, Ya. V. (2019). The rivalry of love in the mirror of dialect vocabulary (based on the material of the dialects of the Russian North). *Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*, 11 (3): 47—56. DOI: 10.17072/2073-6681-2019-3-47-56. (In Russ).
- Matthews, P. H. (1997). Euphemism. In: *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press. 464 p. ISBN 978-0-19-920272-0.
- Moskvin, V. P. (2001). Euphemisms: system connections, functions and methods of education. *Questions of Linguistics*, 3: 58—70. (In Russ).
- Neaman, J. C., Silver, C. G. (1995). *The Wordsworth Book of Euphemisms: The Hilarious Guide to the Unmentionable*. London: Cumberland House. 420 p. ISBN 1-85326-339-7.
- Osetrova, E. V., Chelushkina, M. V. (2016). “Novel” and “conflict” as types of media scripts: intensification of evaluation (based on the material of the magazine “Caravan of Stories”). *Ecology of language and communicative practice*, 2: 293—301. (In Russ).
- Porokhnitskaya, L. V. (2014). *Conceptual foundations of euphemia in language (based on the material of English, German, French, Spanish, Italian)*. Doct. Diss. 413 p. (In Russ).
- Toroptseva, E. N. (2003). *Euphemistic names in aspects of language, history, culture*. PhD Diss. 193 p. (In Russ).
- Vidlak, S. (1967). The problem of euphemism against the background of the theory of the language field. In: *Etymology*. Moscow: Nauka. 267—285. (In Russ).